

ИСТОРИК О СУДЬБАХ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В СССР

Вологодская областная универсальная
научная библиотека им. И.В.Бабушкина
нум, вып./часть _____

Шифр	Инв №
Ч.10.16	ОКБ
22.10.16 - 25047	
19.06.2021	Библиотека ОКБ
27.09.21	Вход. ОКБ
03.12.21	Библиотека ОКБ
02.09.22	Библиотека ОКБ
№ чит. билета _____	

фамилия читателя (разборчиво)

Институт военной истории
Министерства обороны
Российской Федерации

ИСТОРИК О СУДЬБАХ
НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ
В СССР

К 1280582

Москва
1997

63.3(2)622

+kp

ББК 63.3(2)722

1. ВОЕННОПЛЕННЫЕ

в 18

И90

Данная брошюра включает в себя рецензии и отзывы на книги К. И. и В. Б. Конасова, посвященные малоисследованным страницам истории немецких военнопленных в СССР. Отобранные составителями материалы свидетельствуют о широком научном и общественном резонансе, который вызвали публикации названного автора.

Составители: д. и. н., профессор
В. Н. ВАРТАНОВ,
профессор В. В. СУДАКОВ.

ISBN 5-87590-021-0

© В. Н. Вартанов,
В. В. Судаков.

РЕЦЕНЗИИ

СТАЛИН И ВОЕННОПЛЕННЫЕ

“Гриф секретности снят”. С таким интригующим названием опубликована небольшая книжка вологодского историка В. Б. Конасова. В свет книжка вышла благодаря институту повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров.

Тираж книжки небольшой, всего 2500 экземпляров, и реализован он только учителям истории. На титульном листе издательство предупреждает: “Без права перепечатки”.

Так с чего же снят гриф секретности? С проблемы немецких военнопленных в СССР, ведь даже о советских военнопленных многие годы писалась полуправда, о немецких же — почти ничего. Затрагивалось, пожалуй, только зарождение антифашистского движения среди немецких военнопленных. На другие аспекты этой проблемы существовало табу.

Правда, кое-какие сведения в печать попадали. Да и то большей частью благодаря воспоминаниям... Вернемся, однако, к рецензируемой книге. Объемом всего 55 страниц, она освещает многие стороны ранее закрытой темы. Автор пытается оттолкнуться от общих проблем международного права, касающихся военнопленных. Упрекает сталинское руководство, что оно не присоединялось к женевским междуна-

родным актам об обращении с военнопленными и об улучшении участия раненых и больных в действующих армиях. Мало того, в начале войны Сталин приказом № 270 объявил красноармейцев, сдавшихся в плен, дезертирами и предателями. Правомерно сделан в книге вывод о том, что отказ СССР подписать Женевскую конвенцию о военнопленных имел трагические последствия и для советских солдат и офицеров, захваченных врагом. Это развязывало руки гитлеровцам в обращении с красноармейцами. Советский Союз, по их утверждению, не мог требовать соблюдения по отношению к ним норм международного права. Оказалось, что в гораздо большей степени нарушение прав советской стороной касалось именно своих солдат и офицеров. В конце войны и Гитлер перенял сталинскую политику по отношению к солдатам рейха, попавшим в плен: если не был ранен — к смертной казни заочно, а семья — на каторгу.

Советские военнопленные полностью лишились права через Международный Красный Крест получать продовольствие с родины. В подобной ситуации оказались и немецкие военнопленные. Советский Союз не шел навстречу в обмене списками военнопленных. Небрежно оформлялись документы умерших, планы-схемы мест захоронений, затягивался период депатриации части немцев из лагерей до середины 50-х годов, хотя к маю 1950 года почти два миллиона уже было освобождено.

Вчитываясь в книгу, испытываешь двойственное чувство, невольно ведешь диалог и с автором, и с самим собой. Согласитесь, те беды, море крови и страданий, какие вынес наш народ в минувшей войне, далеко не сопоставимы с потерями германской стороны. Масштабы людских потерь тоже меркнут перед нашими. Стоит ли лить слезы, бить себя в грудь, что мы-де не все немецким военнопленным предос-

тавили в соответствии с международным правом? Они учинили разор. СССР потерял до 40 миллионов человек. А сколько не родилось детей из-за этого! В моей родной тыловой деревне, что в Верховажском районе, сегодня полное запустение. Когда-то в ней было до 60 дворов. Одна из причин опустошения — война. С нее вернулось лишь около десятка искалеченных мужчин. Здесь и закладывались истоки неперспективной в будущем деревни.

Есть в книжке страницы о быте немецких военнопленных. Откровенно говоря, им можно позавидовать по части рациона. Хорошо помню, как в послевоенные годы мы, деревенские мальчишки, собирали по ранней весне мерзлую картошку после перепахивания полей, лебеду и крапиву для лепешек. А набрать клеверной трухи, гороха или турнепса считалось за счастье. Ведь поля охранялись тщательно добраными охранниками с ружьями. Чай пили с сахарином и только по большим праздникам. Пшеничный хлеб, пироги почитались за удивительное лакомство.

Не буду более утомлять читателя грустными воспоминаниями. Взглянем на ежесуточный рацион немецких военнопленных, утвержденный приказом по НКВД от 5 августа 1941 года: хлеба ржаного — 700 граммов, муки пшеничной — 15, круп разных и макарон — 100, мяса — 20, рыбы — 125, картофеля и овощей — 600, сахара — 10, соли — 15 граммов. С августа 1942 года военнопленные (рядовой состав) получали в сутки: ржаного хлеба — 400 граммов, муки 2-го сорта — 20, крупы — 100, рыбы — 100, овощей и картофеля — 500, сахара — 20 граммов. Офицеры имели ежесуточно: 600 граммов хлеба, 80 — мяса, 900 — картофеля, 400 — овощей, 5 граммов кофе и т. д.

Для сравнения приведу данные, обнаруженные мною в 1980 году в государственном архиве Вологодской области об уровне годового потребления про-

дуктов. Путем несложных перерасчетов выяснилась такая картина: в 1942—1945 годах вологжанин ежесуточно в среднем потреблял мяса или сала 25,5 грамма, молочных продуктов с отходами (обрат, пахта)—467, переработанного и сырого зерна—377, картофеля—762, овощей—167, растительного масла—0,5 грамма. Сахар, масло, чай и, конечно, кофе в рацион не входили.

Выходит, укорять нам себя не за что. Советские люди сами питались впроголодь, но государство не обрекло на голодную смерть немецких военнопленных. Известны случаи, когда местные жители, не помня зла, сочувственно относились к недавним врагам и делились продуктами из своих и без того скучных запасов. Воистину щедра славянская душа!

В. Б. Конасовым проиллюстрирован и самоотверженный труд советских врачей. Преодолев психологический барьер, они проявили гуманность и милосердие к военнопленным. Некоторые медики пожертвовали жизнью, заразившись тифом. Только под Стalingрадом, разыскивая и спасая 9 тысяч больных и раненых немцев, погибли 16 советских медиков. Для находившихся на излечении немцев устанавливались повышенные нормы питания и более калорийные продукты (мясо, жиры животные и растительные, рыба, свежее молоко и т. д.). В советском плену умерло 580548 военнопленных, а в немецком — 3,3 млн. солдат и офицеров Красной Армии. Немецкие военнопленные жили гораздо в более комфортных условиях, чем наши узники в сталинских лагерях.

Не изнурительным был и труд для немецких военнопленных, введенный с апреля 1943 года. Существовало три группы трудоспособности. Рабочий день длился 8 часов с тремя выходными в месяц. Заработная плата назначалась по тем же расценкам, что и советским рабочим. По свидетельству инспекторской группы, состоящей из немецких генералов и офице-

ров, работа военнопленных на вредных производствах не допускалась, работающие на предприятиях получали специальные, часто довольно значительные продовольственные пайки.

Ради справедливости стоит сказать, что немцы работали добросовестно и строили добротно. Видимо, сказывалось присущее им трудолюбие и, конечно, появившееся в пленау чувство вины за разрушения, которые они причинили России. Можно говорить об определенной роли военнопленных в восстановлении хозяйства нашей страны. Согласен с В. Б. Конасовым, что эта проблема требует специального исследования.

Вполне закономерно в рецензируемой книжке поднимается вопрос о составлении списков умерших и выявлении мест захоронений всех военнопленных. Работа эта ведется. Такие списки составляются и у нас в Вологодской области. По предварительным данным, в вологодской земле число захороненных иностранных военнопленных достигает 6267 человек. Уточняются места их погребения.

Расширяются контакты с организациями Германии, которые взяли под опеку военные кладбища, в том числе и захоронения погибших советских военнопленных и гражданских лиц. Идет взаимный обмен списками умерших в пленау. Совсем недавно из Берлинского архива Советскому Союзу передан материал о 106 тысячах советских воинов, погибших в немецком тылу. Одним словом, лед тронулся. Но ведь нам нужны списки более чем на три миллиона советских людей!

...Время несколько стерло былую вражду и ненависть между народами. Изменился военно-политический климат в Европе. Исчезает противостояние Восточной Европы с Западной Европой. Распался Варшавский Договор. Германия вновь стала единым государством. Объективное изучение и тем более ра-

зумное разрешение всех вопросов, связанных с военнопленными и пропавшими без вести, подведет окончательную черту под второй мировой войной. Общественное сознание, наконец-то, освободится от стереотипов, мешавших долгие годы строить общеевропейский дом.

Н. БАЛАНДИН,
кандидат исторических наук.

Печатается по: «Красный Север», 28 июля 1992.

СЛОВО О КНИГЕ

Только что вышла из печати книга к. и. н. В. Б. Конасова "Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы". Как известно, до недавнего времени вопрос о судьбах иностранных военнопленных в СССР был окружен плотной стеной молчания. В этой связи монография кандидата исторических наук В. Б. Конасова, несомненно, привлечет внимание историков. Книга включает в себя три главы, введение и эпилог, заостряющий внимание читателя на нравственном аспекте данной проблемы, ее актуальности в свете российско-германских отношений на современном этапе.

Критический анализ зарубежной и отечественной литературы по затронутой проблеме, на которую, вне всякого сомнения, наложили свой отпечаток идеологические штампы и стереотипы времен "холодной войны", дан во "Введении". В первой главе автор делает попытку ответить на вопрос о том, существовала ли более полувека тому назад хотя бы какая-то возможность облегчить участь немецких и советских военнопленных путем переговоров на дипломатиче-

ском уровне. Очерки и документы весьма красноречиво свидетельствуют: ни Международный комитет Красного Креста, ни державы-покровительницы Швеция и Болгария, ни союзники СССР по антигитлеровской коалиции не смогли убедить воюющие стороны достичнуть в данном вопросе конструктивного компромисса.

Москва раз за разом отвергала все инициативы по облегчению участия "узников войны", исходившие от МККК, нейтральных государств, правительства США и Великобритании, зарубежных общественных организаций. Вместе с тем, очерки и документы подводят к мысли о том, что нельзя впадать в крайности на волне конъюнктурных соображений. Получившая известное распространение на рубеже 80—90-х годов версия об единоличной ответственности СССР за срыв переговоров по облегчению положения "узников войны" не выдерживает серьезной критики. И, разумеется, факт остается фактом — бесчеловечная практика обращения с пленными красноармейцами и командирами — отнюдь не миф, а жуткая реальность.

Вторая глава монографии носит название "Грудная дорога на родину. Репатриация немецких военнопленных из СССР 1941—1955 гг." Затянувшийся процесс возвращения солдат и офицеров вермахта к своим родным и близким объясняется целым рядом причин. С формальной точки зрения у держав-победительниц не существовало юридического обязательства по немедленной репатриации вражеских солдат. В статье 75-й Женевской конвенции сказано, что таковая должна проходить "в кратчайший после заключения мира срок". Однако после ареста членов правительства кабинета Деница и констатации того факта, что в Германии не существует какого-либо правительства, заключать мир было попросту не с кем. Сроки репатриации не были оговорены ни на Теге-

ранской, ни на Ялтинской, ни на Потсдамской конференциях. Кроме того, экономическую заинтересованность в задержании военнопленных в своих владениях испытывали не только Советский Союз, но и Франция, а в какой-то мере — и Великобритания. Политическое давление на СССР в данном вопросе началось с июля 1947 года, когда бывшие союзники открыто перешли на позиции “холодной войны”. Легенду о миллионах немецких солдат и офицеров, якобы все еще остающихся за “железным занавесом”, подпитывали нежелание советского руководства представить имена и фамилии умерших в плену, закрытость лагерей для посещения делегатами Международного комитета Красного Креста и зарубежных делегаций. Наконец, затянувшуюся депатриацию последних немецких военнопленных объясняет намерение советских руководителей использовать осужденных солдат и офицеров вермахта как заложников при решении сложных международных проблем. В частности, в ходе переговоров об установлении дипломатических отношений с ФРГ советская сторона рассчитывала на их успешное завершение, поскольку знала: немцы придают этой проблеме очень большое значение. О моральной нечистоплотности сталинского руководства при решении проблемы депатриации говорит тот факт, что по распоряжению В. М. Молотова цифры, характеризующие количество отпущеных в Германию немцев, в сообщении ТАСС были завышены, а остававшихся в Советском Союзе — занижены. Эту грань проблемы приведенные в монографии документы показывают достаточно красноречиво.

Третью главу монографии предваряет информация о пребывании в Советском Союзе военнопленных немецких генералов. Очерки и документы рассказывают о судьбе бывшего командующего 6-й армией фельдмаршала Фридриха Паулюса и последнего командующего обороной Берлина Гельмута Вейд-

линга. Жизненную драму и потрясение по-своему испытал каждый из них, хотя, на первый взгляд, личная судьба первого, примкнувшего к антифашистскому движению, сложилась более благополучно.

В книге кандидата исторических наук В. Б. Конасова читатель встретит немало уникальных документов и интригующих сюжетов. На протяжении повествования автор полемизирует с отечественными и зарубежными исследователями, что лишний раз подчеркивает дискуссионный характер затронутых проблем.

Профессор В. В. СУДАКОВ.

Печатается по: Информационно-методический и научно-педагогический журнал «Источник», 1995, № 6.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ «СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР»

Тяжелая, а порой и трагическая судьба миллионов военнопленных второй мировой войны глубоко запала в историческую память народов. Понятен поэтому повышенный общественный интерес к работам по данной проблеме, основанным на ранее недоступных архивных материалах. В этой связи книга В. Б. Конасова, несомненно, привлечет внимание читателя. Одновременно исследование российского историка дает новый импульс дискуссии о политической, идеологической и нравственной подоплеке истории немецких военнопленных в СССР, события которой неразрывно связаны с сегодняшними российско-германскими отношениями.

До середины XIX века положение военнопленных определялось главным образом сложившимися обычаями или двусторонними соглашениями воюющих госу-

дарств. Впервые международноправовые нормы, регулирующие обращение с военнопленными, были закреплены по инициативе России в Брюссельской декларации 1874 г., кодифицированы в Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. Правовой статус военнопленных, узаконенный в Гаагской конвенции 1907 г., был развит и конкретизирован в Женевских конвенциях 1929 г. (Советским Союзом не ратифицирована) и 1949 г. (Советским Союзом ратифицирована 17 апреля 1954 г.), а также в Дополнительных протоколах I и II 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. (ратифицированы Советским Союзом 4 августа 1989 г.)*. В контексте этих исторических событий вопрос о правовом положении военнопленных второй мировой войны занимает особое место, о чём убедительно свидетельствует проведенное автором исследование.

Российская историография второй мировой войны насчитывает большое количество военно-исторических трудов. Тем не менее, проблема военного пленна, замалчиваемая в бывшем СССР, еще не нашла достаточно полного и беспристрастного освещения в исторической науке. Лишь потепление климата в международных отношениях позволило отечественным и зарубежным ученым с большей степенью объективности взглянуть в прошлое, оценить трагическую судьбу сотен тысяч людей, не прибегая к идеологическим штампам и стереотипам.

Особую привлекательность придает книге то, что каждый очерк сопровождает подборка архивных документов, опираясь на которые автор достаточно глубоко раскрывает суть проблемы, воссоздает картину исторического прошлого во всем его многообразии.

*Международное право в документах. — М., 1982, с. 751—772; Военная энциклопедия. — Т. 2. — М., 1994, с. 179.

Одновременно он как бы приглашает читателя принять участие в дискуссии по наиболее принципиальным вопросам, не навязывая ему свою точку зрения.

8 ноября 1994 года вышел Указ Президента Российской Федерации "О комиссии при Президенте РФ по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести". Свое предназначение эта комиссия видит, в частности, в ликвидации белых пятен в истории военного плена, ибо только полная правда о минувших событиях способствует примирению, укреплению духа взаимопонимания и сотрудничества между народами. Именно с этих позиций — позиций общечеловеческих ценностей — следует подходить и к оценке труда автора.

В. Н. ВАРТАНОВ,
начальник управления зарубежной военной истории Института военной истории, профессор, доктор исторических наук.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. Б. КОНАСОВА
"Судьбы немецких военнопленных в СССР:
дипломатические, правовые и политические
аспекты проблемы", Вологда, 1996, 320 с., с ил.**

Выход в свет книги о военнопленных — своевременное явление.

Только что закончился 1995 год, прошедший под знаком празднования Великой Победы, и мы вступили в новый год, памятный тем, что 55 лет назад пожар второй мировой войны — величайшей трагедии всех времен и народов — перекинулся на советскую территорию. Период юбилея этих дат примечателен еще и тем, что российские ученые получили возможность реконструировать картину минувших

событий, опираясь на ранее недоступные архивные документы. Познакомиться с такого рода документами читателю представляет возможность автор настоящей книги.

Тема “Иностранные военнопленные в СССР” — тема многогранная. Некоторые ее проблемы, вынесенные в название книги, являются лишь видимой частью огромного массива документов, до настоящего времени не пущенного в научный оборот. Структура и содержание монографии очень четко отражают этот многоплановый характер проблемы. Более того, они позволяют проследить и выявить определенные закономерности исследуемого явления, его трансформацию при переходе с одного уровня на другой.

Полувековая историография проблемы военного плена несет на себе глубокий отпечаток развития межгосударственных, и прежде всего российско-германских отношений со всеми их перипетиями. Позиция одних людей, облеченных государственной властью, определяла не только затянувшиеся страдания, но и стоила миллионам других людей жизни. Именно к такому однозначному выводу приходишь после прочтения первой главы книги. Трагедия тех, кто попал в плен по обе стороны фронта, состояла в том, что они автоматически становились заложниками политики. Их судьбы и жизни разменивались, как игральные карты в большой игре государственных лидеров. Необычайно яркую картину видим мы в повествовании о том, как на протяжении нескольких довоенных десятилетий и в период войны предпринимались безрезультатные попытки определить статус “узника войны” (с. 15—56). Думается, что при обилии приведенных в книге новых, ранее неизвестных документов, при изложении с большой степенью объективности ярких фактов истории, при всей вескости аргументов “за” и “против” в определении

симпатии в отношении Германии или СССР, ответить на вопрос “Кто больше виноват в сложившейся ситуации?”, по мысли автора, практически невозможно. Даже одна из самых гуманистических по своей сути международных организаций — “Международный комитет Красного Креста” — увы, не смогла разорвать замкнутый круг полемики и взаимных обвинений в отношении к “узникам войны” и пробиться сквозь идеологические барьеры, воздвигнутые правительствами гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза. Мир, разделенный двумя партийными доктринаами и доведенный до особой степени идеологической безжалостности и озлобленности, не нашел в себе сил противостоять великому облазну бросить в горнило сражений за сомнительные идеалы человеческие жизни и судьбы. Это с позиции верховных правителей, простой же солдат, подвергшийся нападению страны, сражался против оккупантов за свободу и независимость своей родины. В этом своеобразная двойственность ситуации.

На советском сталинском руководстве лежит вина и историческая ответственность за то, что Женевская конвенция 1929 года по вопросу о военнопленных так и не была ратифицирована Советским Союзом. Это обстоятельство активно использовалось гитлеровским руководством в ходе агрессии против СССР. Вряд ли следует сбрасывать со счетов тот факт, что напавшей стороной была однозначно фашистская Германия с ее идеологической доктриной расового превосходства, неполноценности славян и необходимости завоевания жизненного пространства за счет их территорий, умноженная на животный антибольшевизм. О несоразмерности вины в уничтожении военнопленных свидетельствуют цифры: в германском плену, по немецким данным, из 5,7 млн. советских военнопленных погибло 3,3 млн. или 57,9%, в советском, если даже ссылаться на данные немецких ис-

точников, из 3,15 млн. погибло 1,1 млн. человек или 34,9%. Такое соотношение погибших следовало бы в книге отразить.

Право военнопленных на репатриацию и реальная практика возвращения бывших солдат и офицеров вермахта на родину являются лейтмотивом второй главы книги. Игра цифрами, характеризующими количество пленных, противоречия между советской официальной статистикой и статистикой для служебного пользования растянули страдания людей на целое послевоенное десятилетие. Возможность быстрее вернуться на родину в большинстве случаев определялась физическим состоянием человеческого материала. Многие "счастливчики"-репатрианты отходили в мир иной уже по дороге домой или через некоторое время после прибытия на родину (с. 132—137). Проблема численности военнопленных — одна из краеугольных проблем истории второй мировой войны. Методика подсчета численности немецких военнопленных, применяемая автором книги, на наш взгляд, обладает достаточной степенью корректности для проведения подобного рода расчетов (с. 162). Поэтому думается, что итоговые цифры, полученные автором, являются более объективными, чем данные, приведенные в публикации профессора В. П. Галицкого и труде "Гриф секретности снят", и приближаются к данным 15-томного немецкого издания. Горячность полемики о численности является сейчас излишней, ибо сделано уже достаточно много, чтобы снять с этого вопроса налет идеологии и политики. Несомненно одно: подсчеты российских ученых и немецких исследователей лишь приближаются к окончательным истинным данным. И если судить по архивным материалам, предстоит еще много работы. Частный, так сказать, но показательный пример по истории Красногорского "Особого оперативно-пересыльного лагеря УПВИ НКВД СССР 27" доказывает

это. В документах лагеря, повествующих о смерти военнопленных, фигурирует цифра 770 человек¹. Многотомный труд немецких исследователей приводит цифру около 1000 человек. Архивные списки УПВИ МВД СССР, составленные и переданные по запросу немецкого Красного Креста, насчитывают 530 имен². База данных Мемориального музея немецких антифашистов содержит информацию на 844 человека, похороненных на существующих и закрытых кладбищах военнопленных в г. Красногорске. Чем объяснить эти разнотечения? Ответ, возможно, дает другой документ — донесение начальника управления лагеря Агапова на имя начальника управления НКВД СССР Петрова от 13.10.1944 г. В нем приведены следующие факты. Эшелон с военнопленными 48400 (63 вагона!) принят на ст. Павшино для обработки. Конtingент эшелона составляли 124 военнопленных чехословаков и югославов, 13 немецких полковников и подполковников, 498 человек рядового состава, а также 204 человека больных (четверо из них заразных) и 41 труп. Трупы захоронены в районе станции Павшино³. Имена и точное место погребения в документах архива не указаны. Исследовательская работа музея также пока не дала результатов, а значит, эти умершие военнопленные до сих пор, возможно, не фигурируют в официальной отчетности УПВИ НКВД СССР. А сколько эшелонов, особенно так называемых “диких”, оставляло у придорожной насыпи безвестные тела военнопленных.

Обширный документальный материал, приведенный в книге В. Б. Конасовым, опровергает утверждавшуюся в советской исторической и специальной литературе точку зрения, ставшую идеологическим стереотипом, о том, что СССР, несмотря на формальное неподписание международных документов о военнопленных, фактически выполнял их, исходя лишь из присущей социалистическому строю генетической

1280582

БОЛОДСКАЯ
общественная библиотека
им. И. В. Бабушкина

справедливости (с. 56). Оригинальность позиции автора является отличительной чертой книги, которая, можно сказать без преувеличения, обозначила собой начало нового этапа историографии проблемы пленна.

“Судьбы военнопленных генералов” — так называется третья глава книги — раскрывает трагедию личности, трагедию человека с четкой жизненной позицией, испытавшего на себе всю тяжесть отношения советского руководства к “заложникам войны”. Но какими бы стойкими не были эти люди, реалии тюремной и лагерной жизни накладывали сильный отпечаток на их психику. Каждому из них в той или иной мере пришлось почувствовать на себе тоталитарный характер сталинского режима. Очерк “Жизнь и смерть генерала Вейдлинга в пленау” и другие многочисленные архивные документы, приведенные в книге, — далеко не частный пример беззакония планов и намерений советского руководства, игравших определенную роль в дальнейшей судьбе военнопленных (с. 257—259). А что говорить о 13 тыс. так называемых “военных преступников”, осужденных в конце 40-х и начале 50-х годов. Многие из этих судебных процессов уже сегодня признаются фиктивными, а их характер определяется как политический⁴.

Справедливо замечание автора о существовавшем недоверии не только к военнопленным вообще, но даже к тем членам антифашистских организаций, кто действовал на стороне Красной Армии, выступая против криминального режима третьего рейха. Даже в среде советских спецпропагандистов, которые плечом к плечу с военнопленными вели антифашистскую пропаганду на передовой, преобладала исключительно прагматическая точка зрения, существовала излишняя подозрительность. Многочисленные примеры героической борьбы немецких антифашистов не могли смягчить недоверчивость советских

органов и изменить установки руководителя пропагандистской структуры ВКП(б) в армии, начальника Главного политического управления РККА А. С. Щербакова (17 мая 1944 г.): "...Надо быть постоянно осторожным, бдительным, опять-таки до конца никому не верить, каждого проверять..."⁵. И не доверяли. "При следовании на автомашине, — говорится в документе под названием "Положение об использовании на фронте уполномоченных НКСГ (военнопленных) и членов НКСГ для разложения противника", зализированном нач. УПВИ НКВД СССР Петровым, зам. нач. Главного ПУ РККА Шикиным и зам. нач. Главного управления контрразведки "СМЕРШ" Бабичем, — окна последней должны быть заделаны шторками, чтобы уполномоченные и представители не имели возможности наблюдения из машины за местностью, а посторонние лица не могли бы видеть из машины (по-видимому, в документе ошибка, следует читать "в машине" — ред.) перевозимых на фронт военнопленных"⁶.

В заключение хотелось бы внести ряд уточняющих и дополняющих моментов в историографический обзор литературы, предпринятый автором книги. Еще в 1991 году в статье В. А. Всеволодова "Национальный Комитет "Свободная Германия" в аспекте международных отношений (некоторые проблемы историографии и источниковедения)" был поставлен вопрос о роли и степени влияния международного фактора в отношениях между советскими структурами и антифашистской организацией военнопленных⁷. В Западной Германии тезис о том, что историографические концепции и их развитие напрямую связаны с политическим курсом и внешней политикой государства, был выдвинут Фогельзангом еще раньше, в 1967 г.⁸ Тема антифашистского движения военнопленных, к сожалению, не получила должного освещения в монографии, хотя и имеются отдельные упоминания о НКСГ и СНО, при-

веден ряд документов за подписью руководителей "Национального Комитета "Свободная Германия". На наш взгляд, обращение к проблеме антифашистского движения военнопленных немцев усилило бы ту часть книги, где автор сделал попытку рассмотреть политические аспекты проблемы военного плена.

Новая как по содержанию, так и по своей концепции книга В. Б. Конасова является еще одним большим шагом в исторические исследования проблем плена в СССР и вносит значительный вклад в укрепление взаимопонимания между двумя государствами — объединенной Германией и новой России. Думается, что и немецкие историки по достоинству оценят данную монографию.

Директор ММНА, канд. ист. наук,
профессор Академии военных наук РФ
КРУПЕННИКОВ А. А.

Зам. директора ММНА по научной работе,
канд. ист. наук, профессор Академии военных наук РФ
ВСЕВОЛОДОВ В. А.

Примечания:

¹ЦХИДК, ф. 1а, оп. 15, д. 70, л. 40.

²См., например, там же, ф. 105, оп. 2, д. 19 и ф. 1п, оп. 05е, д. 1597а, л. 6—8, 9—10, 16—22.

³Там же, 16, оп. 9, д. 3, л. 43.

⁴См., например, Крупенников А. А. Судебные процессы. Материалы научно-практической международной конференции "Окончание войны, завершение деятельности Национального комитета "Свободная Германия" и Союза немецких офицеров и начало депатриации военнопленных". Красногорск, 1996.

⁵РЦХИДНИ, ф. 88, оп. 1, д. 960, л. 6.

⁶ЦАМО, ф. 32, оп. 11306, д. 586, л. 124—129.

⁷ИНИОН АН СССР 45141 от 01.08.1991 г.

⁸Vogelsang T. Die nationsozialistische Zeit. W/Berlin, 1967, S. 12—14.

Печатается по: «Трагедия плены». Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Красногорск, 1996.

В. Б. КОНАСОВ.

СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР:
дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы: Очерки и документы. Изд-во Вологодского института повышения квалификации и подготовки педагогических кадров, 1996. 320 с.

В отечественной литературе судьба немецких военнопленных изучена весьма слабо. Исследователей просто не допускали к соответствующим архивным фондам. Лишь в начале 90-х гг. появилась возможность научного изучения этой темы. Рецензируемая книга — первое крупное исследование по данной проблеме. Более того, она существенно расширяет наши знания не только по истории второй мировой войны, но и по истории СССР в послевоенный период. Исследуя судьбу немецких военнопленных в советских исправительно-трудовых лагерях, историк неизбежно соприкасается со сталинизмом и его лагерной системой. Сразу оговоримся, что в советском плену были не только немецкие солдаты и офицеры, а военнопленные 24 национальностей.

Важно отметить, что автор хорошо знаком с зарубежной историографией, особенно с трудами немецких историков и мемуаристов. Исследователи ФРГ уже давно занимаются этой темой. Ими накоплены большой материал, знания и опыт. Однако главный недостаток их исследований — это незнание наших отечественных архивных материалов. Поэтому некоторые работы носят поверхностный и субъективный характер. Как нам кажется, для глубокого и всестороннего изучения данной темы требуется совместная работа немецких и российских историков и усилия обоих государств — России и ФРГ.

Каждый очерк рецензируемой книги сопровождается подборкой документов, в том числе впервые

вводимых в научный оборот архивных материалов.

Опираясь на документы, автор показывает отношение советского руководства к решению вопроса о статусе военнопленных на международном уровне еще в 20—30-х гг. Тот факт, например, что Советский Союз не подписал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г., сыграл впоследствии роковую роль в судьбе советских военнопленных в Германии и, кроме того, дискредитировал СССР в глазах мирового общественного мнения.

Известно, что уже в первые месяцы Великой Отечественной войны красноармейцы массами попадали в немецкий плен. К концу 1941 г. немцами было пленено, по различным данным, от 2,5 до 3,3 млн. солдат и командиров. Приведенные автором материалы свидетельствуют о том, что СССР проявлял готовность урегулировать с руководством нацистской Германии вопрос об обращении с военнопленными. При этом огромную настойчивость проявлял Международный комитет Красного Креста (МККК) как посредническая организация в решении вопроса об обмене военнопленными и репатриантами, об обмене сведениями и списками. МККК пытался найти какие-то взаимные компромиссы и наладить деловые отношения с Москвой. К сожалению, все они закончились неудачей в результате неуступчивости советской и германской сторон. Но главную вину за этот срыв автор все-таки возлагает на сталинское правительство, которое вместе с гитлеровским режимом несет ответственность и за массовую гибель советских военнопленных в Германии от голода и болезней (с. 50, 51). Сама деятельность МККК в годы второй мировой войны воспринималась советским руководством крайне негативно. Проявив преступное равнодушие к судьбам своих соотечественников, попавших в беду, Сталин просто проигнорировал мно-

гие предложения этой международной организации.

Весьма обстоятельно проработаны автором документы, связанные с репатриацией немецких военнопленных на родину после окончания войны. Они воссоздают достаточно удручающую картину репатриации, показывают всю сложность и многогранность этой проблемы. Нам представляется удачным изложение материала о репатриации военнопленных по годам. Это существенно облегчает его восприятие, дает возможность сравнивать данные о военнопленных, проследить темпы, характер, особенности самого процесса репатриации, растянувшегося на долгие годы.

Главная причина ее задержки в том, что военнопленные рассматривались как рабочая сила. Речь шла о миллионах людей, и поэтому репатриацию стремились проводить “с наименьшим ущербом для народного хозяйства”. Реальный же вклад пленных солдат немецкой армии в развитие народного хозяйства СССР оказался весьма существенным (с. 153), что могло только повысить заинтересованность советской стороны в продлении сроков их пребывания в плену.

Кроме того, с началом “холодной войны” Советский Союз стал использовать немецких пленных в качестве заложников. В то же время у него не было возражений против срочной репатриации калек, инвалидов, больных, нетрудоспособных. Свои проблемы в процессе репатриации возникли перед теми военнопленными, которые заканчивали антифашистские школы и курсы и являлись активистами Национального комитета “Свободная Германия”. Особую категорию военнопленных, получавших исключительные привилегии при решении вопроса о репатриации, составляли лица, имевшие высоких покровителей. При этом автор подробно останавливается на выяснении причин, приводивших к частому срыву

намеченных сроков репатриации. Сам процесс возвращения пленных на родину выявил много негативных сторон, одна из них — большой процент смертности: умирали в пути следования, в пунктах прибытия, умирали в спецгоспиталях. Особенно высокая смертность среди военнопленных была в 1945 г.

Исследование В. Б. Конасова показывает, что дискуссионным остается вопрос об общей цифре военнопленных в СССР и о числе умерших в плену. Сам автор считает, что общее количество военнопленных приближалось к 3 млн. Немецкие историки утверждают, что в советском плену в конце войны находилось более 3 млн. немецких солдат. При этом погибло более 1 млн. военнопленных. Что касается источников, приводимых в книге, то они мало проясняют этот вопрос. Постоянное манипулирование данными о пленных и репатриированных в официальных сообщениях НКВД, МВД и МИД свидетельствует лишь о цинизме их составителей и произвольном обращении с цифрами. Автор справедливо пишет, что чехарда с цифрами о численности военнопленных напоминала карточную игру, ибо здесь соприкоснулись и сплелись в причудливый комок самые разнообразные интересы, приоритеты, мотивации (с. 147, 148).

Вопрос о том, сколько военнопленных умерло, не дождавшись возвращения на родину, автор оставляет открытым.

Интересные документы автор приводит в связи с окончательным решением вопроса о судьбе немецких военнопленных во время визита делегации ФРГ в СССР в сентябре 1955 г. Лишь 10 лет спустя после окончания войны, в октябре 1955 г., последние немецкие пленные получили возможность вернуться на родину. Таким образом была подведена черта под тем вопросом, который был источником напряженности между двумя государствами.

В заключительную главу книги помимо небольшого очерка включены ранее не известные документы о пребывании в советском плену двух немецких военачальников: генерал-фельдмаршала, командующего 6-й армией Ф. Паулюса и генерала артиллерии, командующего обороной Берлина в апреле 1945 г. Г. Вейдлинга, умершего в советской тюрьме.

В целом же рецензируемая книга создает хорошую основу для дальнейших исследований судеб германских военнопленных в СССР.

М. Е. ЕРИН,
профессор, доктор исторических наук,
декан ист. ф-та Ярославского
государственного университета.

Печатается по: *Отечественная история*, 1996, № 6.

В. Б. КОНАСОВ.
СУДЬБЫ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР:
дипломатические, правовые и политические
асpekты проблемы. Очерки и документы. Вологда.
Изд-во Вологодского ИПКиПК. 1996. 320 с.

Это первое в России монографическое исследование на указанную тему. В СССР изучалась лишь деятельность антифашистов среди германских военнопленных¹. В 90-х годах стали печататься воспоминания военнопленных². Появились в печати и первые статьи³. В. Б. Конасову и его коллегам принадлежит ряд брошюр и статей о судьбах немецких военнопленных⁴.

Автор использовал в своей работе западногерманские источники⁵.

Конасов считает одной из своих задач установление численности немецких военнопленных в СССР,

в первую очередь, по архивным документам армейских приемных пунктов, фронтовых лагерей и конвойных войск НКВД. “По подсчетам наших зарубежных коллег, — пишет автор, — в руках СССР оказалось свыше 3 млн. солдат и офицеров вермахта, из которых приблизительно 1,15 млн. человек внесены в скорбный список безвозвратных потерь” (с. 16). Приведенные в работе Конасова советские данные имеют ведомственный характер и к тому же разнятся между собой. Автор полагает, что следует “поставить под сомнение правдивость сообщений Совинформбюро и сведений Генштаба РККА, признать, что более полумиллиона человек не были взяты на учет НКВД-МВД, так как погибли при конвоировании на армейские приемные пункты, при транспортировке в тыл и умерли в стационарных лагерях и спецгоспиталях, но их смерть не нашла отражения в центральной картотеке учета” (с. 117). Вопрос о смертности немецких военнопленных в Советском Союзе, считает автор, является темой специального исследования и требует кропотливых разысканий историков в различных архивах (с. 164).

Автор называет международные соглашения и конвенции о военнопленных, которые нарушались советскими властями. Он не ограничивается описанием судеб немецких военнопленных, но сравнивает их с положением пленных США, Великобритании — в Германии, Японии — в США, советских — в Германии. “В годы войны Советский Союз откликнулся на просьбу правительства США, Великобритании и Японии быть посредником в деле обмена посылками, предназначенными для военнопленных. На аналогичную любезность с их стороны Москва неизменно отвечала отказом” (с. 50—51). Конасов приводит статистические данные о смертности военнопленных в Германии. По данным западногерманских историков, из 235473 английских и американских солдат и

офицеров, содержавшихся в Германии, за весь период войны умерло 7348 человек. “И всего за десять дней (21 октября — 30 октября 1941 г.) на оккупированной польской территории из 361612 погибло 45690 советских военнопленных” (с. 5). Конасов считает, что ответственность за гибель наших людей от голода и болезней “лежит и на сталинском правительстве, проявившем преступное равнодушие к судьбам своих соотечественников” (там же). Конечно, с советского правительства нельзя снимать ответственности за гибель людей в Польше в октябре 1941 г., но ее нельзя объяснить исключительно отказом в пересылке посылок. Сталинское руководство повинно прежде всего в самом факте пленения бойцов и командиров Красной Армии. Оно следовало не оборонительному, а наступательному плану ведения военных действий, хотя, ни страна, ни армия не были готовы к этому, в результате чего многие советские солдаты и офицеры оказались в немецком плену.

В монографии разоблачаются мифы, распространяемые рядом советских военных историков, о якобы неукоснительном соблюдении СССР правил ведения войны” (с. 56—59). Лагеря военнопленных в СССР делились на обычные и “режимные”; в последних находились военнослужащие СС, СД, сотрудники гестапо и полиции, а также лица, “склонные к побегу”, военные преступники. К уголовной ответственности привлекались офицеры, имеющие награды, лица, допускающие антисоветские высказывания, уроженцы западных зон Германии и т. п. (с. 159). Они-то и попадали чаще всего в “режимные” лагеря. В “обычных лагерях в несколько лучшем положении по сравнению со всеми остальными находились антифашисты. Они получали и повышенные нормы питания, и более сносное жилье, и более легкую работу” (с. 58).

Из 2088 кладбищ, на которых были похоронены военнопленные в СССР, к 1 января 1953 г. осталось всего 300, остальные сравняли с землей. “Сегодня мы имеем еще более удручающую картину. Между тем наведение порядка на погостах, где покоятся прах усопших, розыск затерянных могил — это не только требование норм международного права, но и веление нашего времени” (с. 59). Позволю себе добавить: необходим розыск также и тайных захоронений военнопленных.

Автор описывает репатриацию германских военнопленных из СССР в 1945—1955 годах. Репатриация пленных, в большинстве случаев инвалидов, проводилась в обстановке полной секретности и, по словам министра внутренних дел СССР С. Н. Круглова, “под предлогом сосредоточения нетрудоспособного контингента в специальных оздоровительных лагерях” (с. 134). При этом предусматривалось, что лица, “служившие в СС, СД, СА и гестапо, остаются в лагерях, несмотря на свое физическое состояние” (с. 133). Конасов упоминает и об отношении властей к советским военнопленным. Характерен доклад начальника отдела репатриации 3-й ударной армии полковника Н. К. Мячина 19 июля 1945 года: “При очередной встрече с представителями союзного командования нам было предложено принять от них 4000 советских раненых военнопленных... Отказался, так как не имеется возможности их госпитализировать” (с. 132).

Заключительные очерки посвящены судьбам генералов — Ф. Паулюса и командующего обороной Берлина Г. Вейдлинга. Последний похоронен на городском кладбище г. Владимира (в книге не говорится, сохранилась ли его могила). Он провел в тюрьме этого города последние годы жизни, был присужден советским судом к 25-ти годам лишения свободы главным образом за отказ поддержать версию Сталина о

бегстве Гитлера из Берлина.

Подборки документов иногда превышают размер авторского текста. К сожалению, документы не комментируются, хотя в отдельных случаях пояснения и уточнения явно необходимы. Так, в приложении к первой главе дан приказ Ставки Верховного главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года. В приказе перечислены факты героизма и трусости и, в частности, упоминается командующий 28-й армией генерал В. Я. Качалов (1890—1941), о котором говорится, что он “предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу” (с. 73). В доперестроечной энциклопедии о Качалове сообщалось, что он погиб в бою 4 августа 1941 года в районе Рославля⁶. В более поздних публикациях проясняется характер этих боев⁷. Качалов, выполняя приказ Ставки о контрударе по врагу, завел армию в окружение. Находясь в безнадежном положении, командир в танке пытался вырваться из огненного кольца, но это был акт отчаяния, способ самоубийства, чтобы избежать плена. Фактически же в гибели Качалова и его армии повинно было сталинское командование. Клеймо же предателя многие годы незаслуженно тяготело над его семьей.

Книга, несмотря на отдельные недостатки и неполноту данных о гибели немецких военнопленных в СССР, будет способствовать изучению истории войны.

В. В. ФАРСОБИН,
канд. ист. наук.

Примечания:

¹Бланк А. С. Национальный комитет “Свободная Германия” — центр антифашистской борьбы немецких патриотов. 1943—1945. Вологда. 1963; Шевченко А. М. Национальный комитет “Свободная Германия” в действии. — Ежегодник германской истории. М. 1974 и др.

²Фредерт Х. Приключения в русском плену. Из воспоминаний. — Нева, 1992, № 2; Уроки гнева и любви. Сборник воспоми-

наний о годах репрессий. СПб. 1993; Нилов Г. Е. Лагерь 447. Север. 1995 и др.

³Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941—1945 гг.) — Военно-исторический журнал, 1990, № 9; его же. Проблема военнопленных и отношение к ней Советского государства. — Советское государство и право, 1990, № 4; его же. Репрессивная политика Советского правительства в отношении иностранных военнопленных и гражданских лиц (1939—1956 гг.) В сб. Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995; его же. Социально-психологические аспекты межгрупповых отношений в условиях военного плена. — Социологические исследования, 1991, № 10.

⁴Конасов В. Б. Гриф секретности снят. К истории немецких военнопленных в СССР. Вологда. 1991; Конасов В. Б., Подольский В. М., Терещук А. В. Неизвестные страницы истории: Немецкие военнопленные в СССР. М. 1991; Конасов В. Б. Как лечили военнопленных. — Резонанс, 1990, № 19; его же. К вопросу о численности немецких военнопленных в СССР. — Вопросы истории, 1994, № 11 и др.

⁵Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, 22 Bände. Munchen. 1962—1974; Dehnel R. Deutsche Kriegsgefangene in Gebiet Wologda 1942—1949. Hamburg. 1995.

⁶Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М. 1995, стб. 327.

⁷Военно-исторический журнал, 1993, № 3, с. 2.

Печатается по: Вопросы истории, 1996, №№ 11-12.

ОТЗЫВЫ И ИНТЕРВЬЮ

ПОСЛЕСЛОВИЕ К КНИГЕ "ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ. К ИСТОРИИ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР"

Вступил в последнее десятилетие XX век. В летопись человечества он войдет как век, вместивший бурные перемены, необычайные по силе влияния на окружающую среду, научно-технические изобретения, крупнейшие, по масштабам людских потерь, не имеющим precedента в предыдущей истории войны.

Уроки нашей истории... Их предстоит извлечь не только современникам, но и нашим потомкам. Людям, чьи судьбы опалило горячее дыхание стремительного XX столетия, и поколениям, что придут им на смену, пусть будет дано понять главное: история — мать человечества. Такова она в естестве своем — мать для всех рождающихся на земле людей. Мачехой она может стать по вине сынов и дочерей, запамятовавших о своем материнском лоне, пренебрегающих опытом истории, измеряемом жизнями предшественников.

Исследующему историю, возможно, легче в сравнении с теми, кто ее вершит непосредственно. Однако у летописца-историка своя архисложная задача — не свернуть с пути, по которому следовали свидетели и участники описываемых событий, понять логику их поступков.

Исследование, проведенное кандидатом истори-

ческих наук В. Конасовым, убеждает в том, что автор стремится воссоздать живую ткань исторического времени, о котором написано столь много, что, казалось бы, едва ли имеется необходимость в каких-либо существенных дополнениях. И все же такая необходимость имеется в отношении важнейшего аспекта современной международной действительности — истории немецких военнопленных в СССР в 40-е — 50-е годы.

Несмотря на незавершенность авторских заключений, что вполне объяснимо, поскольку данное исследование представляет одну из пока еще не многих попыток обратиться к мало разработанной проблеме периода второй мировой войны, гражданская позиция автора книги, его кредо историка выражены достаточно убедительно и заслуживают одобрения.

Человек, находящийся в плену, — тема, к сожалению, столь же новая, как и само человечество. Однако едва ли она от этого перестала быть темой, вызывающей боль и тревогу, страдания сотен тысяч, если не миллионов людей.

Внешнеполитические акции, предпринятые правительством СССР в 80-е годы, благотворно влияют на ход международных дел, ослабляют угрозу новой войны. К числу благоприятных факторов внешней политики следует отнести и создание Советским Союзом вместе с США и Японией Международного института проблем военнопленных, и передачу правительством ФРГ советской стороне списков на погибших и умерших в лагерях красноармейцев и ряд других гуманных инициатив.

Великодушие по отношению к поверженному врагу всегда отличало советских людей. В годы второй мировой войны милосердие и гуманизм проявили многие наши медики, спасая от ран, болезней и эпидемий десятки тысяч солдат и офицеров противника. Однако сегодня вызывает удовлетворение и тот

факт, что в ФРГ существует “Народный союз по уходу за немецкими военными могилами”, и что под опекой данного союза находятся и могилы погибших советских граждан.

Переоценивают свое отношение к местам захоронения иностранных военнопленных на территории СССР и советские люди. Отрадно, что в последнее время интерес к приведению в порядок могил, где покоится прах иностранных военнопленных, проявляют и граждане Вологодской области, на территории которой, по предварительным данным, число похороненных достигает 6267 человек.

Книга В. Конасова — примечательное явление в исторической литературе. Основанная на документальных источниках, она способствует более точному пониманию сути прошедшего, а значит, освобождает в настоящем общественное сознание от стереотипов, сложившихся несколько десятилетий назад, но ставших анахронизмами в условиях нынешнего времени, на которое наложила печать перестройка в СССР.

История второй мировой войны без всестороннего освещения истории немецких военнопленных в СССР была бы неполной. Однако это требование, исходящее не только от науки. Наука всегда была выражением потребности своего века. На знамени же сегодняшнего общества история крупно начертала: справедливость, милосердие, гуманизм, единство. Как никогда ранее, всечеловеческие ценности обрели на наших глазах осознанный, чрезвычайно осозаемый смысл. Уставшие от подозрения, вражды, противоборства и конфронтации страны стремятся шагнуть навстречу друг другу в надежде обрести уверенность, мир и энергию созидательного действия. Уверен, что книга В. Конасова поможет народам сделать именно такой шаг.

ПРОФЕССОР В. В. СУДАКОВ.

«ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ»

До недавнего времени тема пребывания военно-пленных на территории СССР была фактически закрыта для изучения. Нынче ситуация изменилась. Готовится к печати книга старшего преподавателя Вологодского молочного института Виктора Конасова «Гриф секретности снят». Документальной основой для ее написания стали ранее закрытые архивные материалы по Вологодской области.

Корреспондент «РС» встретился с автором книги.

— *Виктор Борисович, какие материалы удалось вам использовать при работе над книгой?*

— Долгое время эта тема не была в СССР раскрыта в достаточной степени. Издаваемые в ФРГ книги, в том числе и советских авторов, не переводились. Теперь же мне была предоставлена возможность пользоваться материалами архивов Министерства обороны СССР и военно-медицинского музея в Ленинграде. Содержательным оказался и архив управления МВД Вологодского облисполкома — в нем оказались практически все документы, поступившие из управления по делам военнопленных — интернированных НКВД — МВД. Использовались также мемуарные источники, исследования немецких историков.

— *Как применялся труд военнопленных в нашей области?*

— В Никольском районе, например, они построили школу, дорогу Никольск — Байдарово. Существовал крупный лагерь в Вытегорском районе, созданный в 1949 году для тех, кто считался военными преступниками — немцев и финнов. Там пленные работали на реконструкции гидроооружений Волго-Балта. Большинство же лагерей находилось в Череповце и Вологде.

— *Много писали об условиях заключения советских*

военнопленных в немецких лагерях. А как обстояло дело у нас?

— Приходится признать, что нарушались как международные конвенции, так и законы, принятые в нашей стране. Во время войны пленные зачастую расстреливались. Тогда это можно было как-то объяснить, но и после окончания войны режим содержания пленных не соответствовал существующим соглашениям. По данным некоторых немецких источников, из более чем 2,3 миллиона пленных погибло 80 процентов. Но некоторые советские историки считают, что погибло примерно 500 тысяч человек. И те и другие цифры достаточно сомнительны. Можно предполагать, что уровень смертности среди военнопленных доходил до 50 процентов.

— Известно, что военнопленных постепенно возвращали на родину вплоть до пятидесятых годов. Чем вызвано такое затягивание сроков депатриации?

— Причинами этого могли быть и потребность в дешевой рабочей силе для восстановления разрушенного народного хозяйства, и стремление не допустить использования кадровых офицеров вермахта блоком НАТО. Поэтому возвращение пленных осуществлялось в несколько этапов: часть из них была освобождена в 1945-1946 годах, наиболее крупная депатриация состоялась в 1948 году, полностью же этот процесс был завершен в 1955 году. На территории, например, Вологодской области в 1949 году еще находилось более 9,5 тысячи военнопленных.

— Планируете ли вы далее заниматься изучением этой темы?

— Да, сейчас в составе группы “Поиск” я вместе с ее руководителем В. В. Судаковым работаю над книгой “Милосердие”, куда войдут списки военнопленных, похороненных на Вологодской земле. Пришло время позаботиться и о приведении в порядок кладбищ интернированных, передаче Германии спи-

сков погибших, тем более, что немецкая сторона провела такую работу по отношению к советским военнопленным.

Филипп АРДОВСКИЙ.

Печатается по: «Русский Север», 26 июня 1991.

ИСТОРИЯ ПЛЕНА — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ИСТОРИЯ...

Вышла в свет научная монография вологодского историка Б. Б. Конасова «Судьбы немецких военнопленных в СССР». Автор — далеко не новичок в исторической науке, известен в кругу отечественных и зарубежных историков-германистов, участник многих конференций, входит в состав редакции журнала «Новый Часовой». Монография стала определенным итогом в исследовании проблемы, вынесенной автором в название книги.

Я не собираюсь пересказывать содержание книги, но на некоторых моментах все же остановлюсь. Центральное место в монографии занимает глава, в которой автор прослеживает пути возвращения немецких военнопленных на родину. Дорога оказалась долгой. В советском плену побывало более трех миллионов немецких солдат и офицеров, более одного миллиона занесены в число невозвратных потерь (т. е. умерли от ран, болезней, голода). Кстати, в немецком плену оказалось более пяти миллионов советских солдат, около трех миллионов из них погибли. Советский плен был более гуманным. В помещенном в книге документе говорится, что с иностранными военнопленными на советской территории следует обращаться весьма корректно. Запрещалось оскорблять их, применять жестокие меры. Все ценные вещи изымаются на хранение с выдачей официальной кви-

танции. Есть документ о порядке обращения с советскими военнопленными, в котором прямо указано, что "большевистский солдат потерял всякое право претендовать на обращение как с честным солдатом". Что за этим следовало, нетрудно представить.

Но вернемся к возвращению немцев на родину. Первые партии стали возвращаться в 1945 г., но это были отдельные весьма малочисленные группы. Возвращение растянулось на долгих десять лет. Автор справедливо отмечает, что не следует сразу и во всем усматривать злой умысел сталинского руководства. Чтобы вернуть огромную массу пленных, требовались немалые затраты. Дороги были разрушены (это наш солдат в большинстве своем пешком дошел до Берлина). Немцев же следовало возвращать по железным дорогам. Не хватало подвижного транспорта, персонала. Да и куда возвращать? В какую Германию, если вместо нее были зоны оккупации?

И еще. До середины 80-х годов Вологда была одним из центров по изучению германской истории. Со смертью профессора А. Бланка достойного преемника в продолжении начатого дела не нашлось. Ученики его, получив вожделенные степени и звания, большей частью оставили историю. Хлопотное да и неприбыльное дело — эта наука. Хотелось бы надеяться, что В. Конасов не ограничится только изданием научных трудов, но и проявит организаторские способности, сделав попытку возродить традиции вологодских историков-германистов.

Борис ПЕТЕЛИН,
кандидат исторических наук.

Печатается по: «Русский Север»; 7 мая 1996.

**ИЗ ПИСЬМА
КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК И. Л. АРХИПОВА**

В 1994 г. в Петербурге вышел первый номер нового журнала. Этот журнал, возникший по инициативе группы историков, в значительной мере продолжает традиции журнала "Часовой", который выходил в 1929-1989 гг. в Париже и Брюсселе под редакцией В. В. Орехова. Но рассматривать "Новый Часовой" в качестве преемника этого издания было бы все-таки неверным. Прежний "Часовой", ориентированный в основном на публикацию документальных, мемуарных свидетельств об антибольшевистской вооруженной борьбе, был в силу объективных и субъективных причин изданием в полной мере эмигрантским. В отличие от него "Новый Часовой" делает акцент на оригинальных исследовательских работах, не чуждых дискуссионности и при этом свободных от политических симпатий и антипатий, столь легко проникающих в современные работы по новейшей истории России...

В статье В. Б. Конасова и А. В. Терещука поставлена интересная и, по сути, не изученная в отечественной литературе проблема. Авторы рассматривают вопрос о правовом статусе узников войны (военнопленных), определяемом международными конвенциями. То, что СССР не присоединился к подписанный 40 странами в Женеве в 1929 г. Международной конвенции об обращении с военнопленными, сыграло роковую роль в судьбе наших соотечественников — половина советских военнопленных погибла в германских лагерях! Подобный правовой нигилизм, по мнению авторов, неслучаен: существовал комплекс мотивов, определивших отказ от подписания Конвенции. Среди них было и влияние установок, на-

шедших отражение в советской военной доктрине о ведении войны на чужой территории, о том, что потери Красной Армии пленными будут минимальны. Сказалось и закрепленное в советском законодательстве негативное отношение к "своим" военнопленным, которые приравнивались практически к перебежчикам на сторону противника и предателям, наказуемым расстрелом с конфискацией имущества и санкциями против членов их семей.

Авторы обращают внимание и на попытки советской стороны изменить правовые основы положения военнопленных, когда в ходе начавшейся войны с Германией стала очевидной заинтересованность в соблюдении международных норм и для СССР, понесшего огромные потери. Важным представляется и изучение условий жизни германских военнопленных в СССР, попыток создания советскими спецслужбами своей среди них агентуры. Проанализировав материалы судебных процессов над германскими военнослужащими, начавшихся в 1943 г., авторы приходят к выводу, что имели место многочисленные случаи нарушения процессуальных норм, основ международного права, наконец, применялись репрессивные меры не только к военным преступникам, но и пленным, в чьих действиях отсутствовал состав преступления. Особенно процессуальными нарушениями страдали процессы, имевшие место в конце 40-х — начале 50-х годов, которые совпадали с очередной "волной" завершающейся депатриации (последние германские военнопленные вернулись на родину лишь в конце 1955 года).

Печатается по: Вопросы истории, 1995, № 5-6.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Одной из многих трагических страниц истории второй мировой войны является судьба военнопленных. Начиная с 70-х годов в Германии увидел свет ряд исследований о судьбе советских военнопленных на ее территории и в подвластных странах. Среди этих исследований особенно значителен труд К. Шрайта. В основном на материалах немецких исследователей написана одна из последних работ на эту тему М. Е. Ерина, убедительно, кстати, свидетельствующая об объективности и основательности работ немецких коллег. К сожалению, российские историки до последнего времени не отвечали им взаимностью. Судьба военнопленных вермахта в СССР руководителей научных центров военной истории России, видимо, мало интересует и теперь, что не может не свидетельствовать о пренебрежении к познанию подлинной истории собственной страны. Прорыв в запретную прережде тематику сделал в 1996 г. исследователь из Вологды В. Б. Конасов, опубликовавший книгу о судьбе немецких военнопленных в СССР...

Печатается по: Вопросы истории, 1996, № 10.

ИЗ ПИСЬМА ПРЕДСТАВИТЕЛЯ РАДИОСТАНЦИИ "НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА"

Уважаемый господин Петелин!

Спасибо Вам за письмо и интерес к нашей программе, а также за информацию о книге В. Б. Конасова. Эта книга затрагивает, несомненно, очень важную для взаимоотношений между русскими и немцами тему. А вот адрес бюро фонда им. Конра-

да Аденауэра в России: 191194 Санкт-Петербург,
а/я 101.

С наилучшими пожеланиями Бригитта Мюллер.

ИЗ ПИСЬМА
ПРОФЕССОРА ЛИПЕЦКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК БОРОЗНЯКА А. И.

20.03.96

Глубокоуважаемый Виктор Борисович!

Большое спасибо за присланную книгу, которая, несомненно, представляет Вашу значительную удачу.

Я поддержал бы нетрадиционную структуру книги, в которой сплетаются жанры научной монографии и собрания документов.

Получилось так, что одновременно я получил Ваш труд и сборник издательства "Фишер" (Франкфурт-на-Майне), посвященный истории национального комитета и Союза германских офицеров. В этом сборнике есть и мой текст и через несколько дней я должен быть в Лейпциге и Берлине, где состоится презентация книги. Постараюсь там сказать о вологодском капитальном издании.

Печатается по: личный архив В. Б. Конасова.

В ВОЛОГДЕ К ПЛЕННЫМ ОТНОСИЛИСЬ КОРРЕКТНО

Вологодский историк В. Б. Конасов внес достойную лепту в раскрытие тайн истории второй мировой войны. Виктор Борисович уже не первый год занимается поиском документов о судьбах немецких военнопленных, чему посвятил солидную моногра-

фию. Мы заинтересовались этой темой и задали В. Б. Конасову несколько вопросов о жизни военнопленных, в том числе и отбывавших наказание на Вологодчине.

— *Сколько всего военнопленных немцев, австрийцев, венгров, испанцев содержалось в СССР?*

— По отчетам управления НКВД-МВД по делам военнопленных и интернированных после капитуляции Германии, в советском плену оказалось более четырех миллионов человек из них 2384560 немцев. Немецкие источники указывают, естественно, большую цифру. Подсчеты умерших, проведенные германской стороной, — более миллиона человек — резко отличаются от наших данных — 350000.

— *Сколько их было "расквартировано" в нашей области?*

— С учетом транзита более 100000. Постоянно в области находилось порой до 75000 пленных, в Вологде — около 250000. Но это все приблизительные цифры. Учет пленных у нас был поставлен из рук вон плохо. Часто вообще не регистрировали транзитных или этапных немцев, так же как и умерших. Поэтому цифра умерших на Вологодчине пленных — 6000 — нуждается в корректировке.

— *Где находились лагеря?*

— Под Грязовцем, на реке Нурме, кстати, до войны там содержали еще польских и финских военнопленных, в Соколе — с лагерными отделениями в Леже, Печаткино, Монзе, Череповце с отделением в Чагоде. Лаготделения располагались в Вологде (под Прилуками и на льнокомбинате), в Устюжне, в поселке Бараново (Чагодощенский район) и в селе Богородское (Череповецкий район). 8 июля 1948 года в деревне Ребово (Вытегорский район) был организован лагерь для содержания “особой категории военнопленных”.

— *Были ли в нашем плену высокие немецкие чины и*

фашистские преступники?

— Грязовецкий лагерь был полностью офицерским, там содержались даже полковники. Среди пленных был разоблачен комендант Бобруйска и участники варварского обстрела Ленинграда. Очень много немецких летчиков находилось в Череповце, среди них был известный ас, чемпион мира по десятиборью среди юниоров Мюллер.

— Чем занимались военнопленные?

— Работали на самых тяжелых работах. Рубили лес, вытаскивали затонувшие бревна из рек. Строительные, дорожные да и другие предприятия области охотно заключали договоры с администрациями лагерей на использование дешевой рабочей силы. Немцы проложили первые километры автодороги Вологда-Ярославль, забили первые колышки на стройплощадке Череповецкого металлургического завода, реконструировали Волго-Балт. Многие помнят, как на наших заводах — ВРЗ, “Северном коммунаре” — работали классные слесари и токари — бывшие солдаты вермахта. Их руками построены первые пятиэтажки на льнокомбинате, поликлиника УВД, здание бывшего Совнархоза.

— Они голодали?

— Да, в первые послевоенные годы смертность в лагерных бараках была большая. Тогда голодала вся страна. Немцы находились на особом, в отличие от нас, русских, положении — они всегда знали, что вечером их обязательно накормят. С 1949 года, когда уже близилась депатриация, пленные получили возможность ходить по городу в составе так называемых КС (команды самоохраны), где-то подрабатывать, менять свои сувенирные изделия, в изготовлении которых они были большими мастерами, на питание.

— Как относились к ним вологжане?

— Трудно найти точное определение, скорее всего, корректно. Конечно, были случаи, когда на них

нападали, избивали, вымешая накопившуюся за войну злобу.

— *Поговаривают, что среди пленных было много людей искусства?*

— В Вологде они организовали духовой оркестр, который выступал на эстрадных площадках. Пленные даже в футбол играли. В конце 40-х годов на стадионе “Динамо” состоялась игра между вологодским “Динамо” и испанцами. Динамовцы разгромили соперника, забив пять безответных мячей. Испанцы тоже сильно не унывали — за футбол их поощрили посещением кинотеатра имени Горького.

— *Пленные пускались в бега?*

— Я знаю всего лишь несколько таких случаев. Беглецов объявляли во всесоюзном розыске, сразу же вылавливали и переводили в лагеря особого режима. После 1949 года уже никто не убегал — зачем, если вот-вот отправят домой.

— *А стихийные выступления, недовольства были?*

— Да, на почве затянувшегося процесса репатриации. В знак протеста пленные разыгрывали импровизированные похороны репатриации. Отмечали они и фашистские праздники, правда, и наши тоже — согласно заданной программе.

— *Когда началась репатриация?*

Через органы репатриации с 1947 года. К середине 1949 года основное число пленных покинуло пределы СССР. Как это часто бывает, у нас тут же объявили завершение репатриации. Оставшихся немцев держали в качестве разменной политической монеты, в спешном порядке вынося им различные обвинения. В области всех пленных перевели в Вытегорский лагерь. В начале 50-х и его расформировали.

— *Были желающие остаться в СССР?*

— Женевская конвенция 1949 года это запрещала. Мне известен лишь один такой случай. Военно-пленный немец Ганс Люкс из Сокола написал заяв

ление, где указал, что хочет остаться в социалистической России и строить светлое будущее. Его желание было удовлетворено. Вся эта история широко освещалась в немецких лагерных газетах, да и в наших тоже.

— *А вот по моим данным, в Вологде после войны осталось немало немцев...*

— Это не пленные, а интернированные на принудительные работы советские немцы и немцы из Польши, Румынии, Чехии, Болгарии. Многие здесь и остались.

— *Уезжающий домой сам определял, в какую страну ему выехать — ГДР или ФРГ?*

— Согласно конвенции, да. Но у нас немцев, конечно же, склоняли к Восточной Германии. За это агитировали и антифашисты, которые (вот парадокс!) сидели в лагерях дольше преступников. Идеи новой жизни проповедовали и немецкие священники, естественно, процедурам вероисповедания советская сторона препятствий не чинила. Возвращающиеся на родину проходили проверку на благонадежность.

— *Какова судьба немецких кладбищ?*

— При каждом лагере было свое кладбище. Все они сейчас уничтожены. Особенно сильно пострадало кладбище в Вологде на льнокомбинате и в Соколе. В городе бумажников братские могилы военнопленных включены в ансамбль памяти погибших советских воинов, над ними сооружена стела “Родина-мать”.

— *Виктор Борисович, вам никогда не говорили, что вы занимаетесь не той темой? Ведь в нашей стране можно было писать о чем угодно, но только не о фашистах.*

— Не раз, на что я всегда отвечал, что кто-то из историков обязательно возьмется за эту неизвестную и очень интересную тему. Я не жалею, что ею занялся.

Беседу вел Е. СТАРИКОВ

Печатается по: «Вологодские новости», 9-15 мая, 1996.

ИЗ ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Уважаемые товарищи!

Благодарим Вас за высланную в наш адрес книгу Конасова В. Б. "Судьбы немецких военнопленных в СССР".

Книга передана в научную библиотеку ЦМВС и несомненно даст полезную информацию сотрудникам музея в их научной и пропагандистской работе.

Ученый секретарь музея
Н. КАШУТА.

НОВАЯ КНИГА

В Вологде, в издательстве Вологодского института повышения квалификации педагогических кадров, увидела свет уникальная книга. Историк Виктор Конасов, автор книг и статей по Великой Отечественной и второй мировой войнам, что публиковались в России, Германии, Испании, назвал ее "Судьбы немецких военнопленных в СССР: дипломатические, правовые и политические аспекты проблемы".

Очерки, написанные вологодским историком и собранные им в архивах документы, посвящены малоисследованным и дискуссионным проблемам истории военного плена. На сегодняшний день — это первое, наиболее полное исследование о судьбах немецких военнопленных, публикуемое в России. Монография адресована самому широкому кругу читателей как специалистов историков, так и всех, кто интересуется данной проблемой.

"Российская историография второй мировой войны насчитывает большое количество военно-истори-

ческих трудов, — пишет в послесловии к книге В. Конасова начальник управления зарубежной истории Института военной истории, член-корреспондент АЕИ РФ В. Вартанов. — Тем не менее проблема военного плена, замалчиваемая в бывшем СССР, еще не нашла достаточно полного и беспристрастного освещения в исторической науке. Лишь потепление климата в международных отношениях позволило отечественным и зарубежным ученым с большей степенью объективности взглянуть в прошлое, оценить трагическую судьбу сотен тысяч людей, не прибегая к идеологическим штампам и стереотипам».

Печатается по: «Вологодская неделя», 4 мая 1996.

ИЗ ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯ ДОМА ИСТОРИИ

Глубокоуважаемый г-н проф. Судаков!

Большое спасибо за книгу В. Б. Конасова о судьбах немецких военнопленных в СССР, а также за дружеское приглашение на Международную научную конференцию “Иностранные военнопленные в Советском Союзе: новые документы, новые пути исследования”.

Дом Истории намерен подготовить в будущем году большую выставку по проблеме германско-российских отношений в XIX-XX столетиях. Поэтому мы заинтересованы в том, чтобы поддерживать и развивать контакты с коллегами из России, которые в своей научной работе рассматривают аспекты германско-российских отношений.

С дружеским приветом и по поручению
Кристиан Петерс.

22.11.96 г.

ИЗ ПИСЬМА РУКОВОДИТЕЛЯ НЕМЕЦКОГО
КУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА ИМ. ГЁТЕ
РЕДАКТОРУ ОТДЕЛА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛА "НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ" Б.Л. ХАВКИНУ

Уважаемый господин Хавкин!

Мы были очень рады получить присланную Вами книгу историка В. Б. Конасова "Судьбы немецких военнопленных в СССР" и находим ее чрезвычайно интересной. Подобного рода издания — научно выверенные и вместе с тем доступные по форме изложения — вносят серьезный вклад в знакомство заинтересованных лиц с историей российско-германских отношений.

Позвольте засвидетельствовать Вам наше глубокое удовлетворение от возможности сотрудничества с Вами.

С уважением
по поручению Елена КОТЛЯР,
ассистент руководителя института

ПИСЬМО
Г-НА ХОРСТА ФОН ЗАЙДЛИЦА-КУРЦБАХА, БРАТА БЫВШЕГО
ПРЕЗИДЕНТА "Союза немецких офицеров" ГЕНЕРАЛА
ВАЛЬТЕРА ФОН ЗАЙДЛИЦА-КУРЦБАХА

Уважаемый г-н Конасов!

Получил Вашу книгу. Сердечно благодарен Вам за нее. Очень рад, что через нее познакомился с Вашей научной работой.

Мы, немцы, очень благодарны тому, что в Рос-

ции публикуются документы о пленных. Во многих семьях хотели бы узнать, как жили в России их братья, а в некоторых случаях и родители. Сейчас не найдется ни одного человека, не имеющего представления об огромных трудностях, связанных с военно-пленными, с которыми столкнулись русские во время той ужасной войны.

Я попытаюсь найти издательство, которое может перевести и напечатать Вашу книгу.

Желаю Вам больших успехов в научных поисках.

С добрыми пожеланиями и дружеским приветом
Ваш Хорст фон ЗАЙДЛИЦ.

Гамбург, 27 мая 1996 г.

ПИСЬМО
П. П. ЯСКОВСКОГО

Глубокоуважаемый Виктор Борисович!

Благодарю Вас за любезно присланную книгу "Судьбы немецких военнопленных в СССР". Она во многом позволяет понять и даже почувствовать это сложное и непростое время. Этот период был, вероятно, одним из самых тяжелых в жизни моего отца (хотя он и работал в Москве), и поэтому мне хочется узнать об этом времени как можно больше.

К сожалению, в семейном архиве не содержится документов по интересующей Вас проблеме.

Спасибо за книгу.

Желаю всего самого хорошего и успехов в Вашей работе.

С уважением П. П. Ясковский.

6.5.96.

Печатается по: личный архив В. Б. Конасова.

Глубокоуважаемый господин Рюдигер Рунге!

Позвольте выразить Вам искреннюю признательность за участие наших ученых — профессора В. В. Судакова и доцента В. Б. Конасова — в проходившем в 1995 году 26-м “Кирхентаге”, благодаря чему вологжане смогли узнать о тех гуманных акциях, которые проводит Ваша организация. В свою очередь письма и отзывы из Германии говорят о том, что участие вологодских ученых в упомянутом форуме было воспринято с пониманием и интересом. Особая благодарность звучала в их адрес от родных и близких, потерявших своих мужей, братьев и отцов на той войне.

В этой связи хотелось бы добавить, что по инициативе этих двух ученых в Вологде в октябре 1997 года будет проходить международная научно-практическая конференция по проблеме “Иностранные военнопленные на территории бывшего СССР”. Соучредителями этой конференции, помимо администрации Вологодской области, выступают Институт военной истории МО Российской Федерации и другие ведущие научные учреждения. Надеемся, что к началу работы этой конференции в Вологде будет завершено сооружение двух мемориальных знаков, которые обозначат место захоронения немецких военнопленных в городах Вологда и Череповец. Нам было бы приятно видеть Вас или представителей Вашей организации в числе почетных гостей в эти волнующие дни.

Надеюсь, что завязавшееся сотрудничество между германской стороной и представителями вологодской земли будет продолжено в рамках “Кирхента-

га". Наши ученые готовы приступить к реализации намечавшихся еще в Гамбурге планов по написанию новых научно-популярных трудов о немецких военнопленных в Вологодской области.

С глубоким уважением
Губернатор Вологодской области В. Е. ПОЗГАЛЕВ.

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензии	3
Отзывы и интервью	31

ИСТОРИК О СУДЬБАХ НЕМЕЦКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СССР

Составители: *В. Н. Варганов, В. В. Судаков.*

Технический редактор и корректор *И. А. Головина.*

Сдано в набор 1.02.97. Подписано в печать 10.03.97.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,02. Тираж 100 экз.

Отпечатано в изд.-полигр. центре Вологодского ИПКиПК.
Подготовка оригинал-макета И. М. Зейфман.